

Встречи ЗРИТЕЛЕЙ ИЗ ПЕРВОГО РЯДА

Разные актеры играют разные роли. Но, наверное, только мой собеседник играл и Борю Голикова, и Буратино, и Почтовую марку, и Кота в сапогах, и Клей, и Лягушку — путешественницу, и всевозможных насекомых, и Старика Хоттабыча, и... Мне следует остановиться, потому что, если буду перечислять дальше, список ролей займет всю газетную страницу. Ведь мой собеседник сегодня — Главный сказочник, Главный волшебник, а волшебники, как известно, могут все. Особенно, если своим волшебным ремеслом занимаются не день, не два, а целых полвека.

Народный артист РСФСР Николай Владимирович Литвинов, а речь именно о нем, смеется:

— Не так уж я всемогущ. Хотя действительно переиграл на радио почти всех зверей, самые разные вещи и множество сказочных и не сказочных героев, любимых детской аудиторией. А дети любят смелых и находчивых, умных, добрых, справедливых, веселых, озорных. Они ненавидят зло, не приемлют скуку, всегда готовы биться за справедливость, защищать слабых. Я не идеализирую. Ежедневно наша Главная редакция радиовещания для детей получает до тысячи писем. Многие из них адресованы «Сказочнику» или просто «Волшебнику». Это значит мне. И я читаю письма ребят. Ребят разных возрастов. Но почти всегда это своеобразные исповеди о самом сокровенном, иногда очень наивные, но всегда абсолютно искренние.

— Любите читать эти письма?

— Очень. Чувство такое, что держишь руку на детском пульсе целой страны, слышишь бие сердце тысяч мальчишек и девочек.

— Но вам пишут не только дети...

— Не только. И взрослые тоже. Особенно бабушки.

— Почему бабушки?

— Наверное, потому, что они обычно самые близкие детям люди, вместе со своими внуками слушают наши передачи, вместе страдают и радуются, плачут и смеются. К тому же у них огромный жизненный опыт, в том числе и опыт воспитания ребятнишек. И на них, увы, часто валятся все шишки в семье. Надо им с кем-то посоветоваться, кому-то выговориться. И пишут мне. Как-то подумал, что если собрать хотя бы частицу того, о чем они пишут, получилась бы целая книга о воспитании. Добрая и мудрая.

Всякое искусство — вид общения. Я общаюсь с огромной аудиторией через микрофон. Причем микрофон на радио — штука очень непростая. Кто-то однажды сказал, что микрофон чувствует и передает за тысячи километров в эфир каждый стук нашего сердца, наше дыхание. И слушатель это чувствует. А как нам почувствовать, ощутить слушателя? Через письма. Их, слушателей, письма.

— Вы ведь не сразу пришли на радио?

— Еще когда учился в ГИТИСе, играл в театре. О радио и мыслей не было. Да и откуда им было взяться в 1928 году? Тогда радио еще не вошло, как мы теперь говорим, в каждый дом. Хотелось играть

в театре, причем только главные, только большие роли. За ними в 1930 году уехал из Москвы в Смоленск. Вот там впервые читал на радио. И очень мне это понравилось, хотя всерьез о радио все равно не думалось и уж, конечно, не представлял, что это будет делом на всю жизнь. Любимым делом. А в 1932 году замечательный актер и режиссер Осип Наумович Абдулов пригласил участвовать в радиопостановке гайдаровской «Школы». Я сыграл Борю Голикова и... «заболел» детским радио. Мне немало лет. (За день до нашей встречи Николай Владимирович отметил свое семидесятипятилетие и пятидесятилетие работы на радио). Я в том возрасте, который заставляет оглядываться на прожитые годы, анализировать, вспоминать. И все чаще думаю о том, как важно в молодости встретить человека, который вольно или невольно поможет найти наилучшее приложение твоим способностям, поможет правильно определиться в жизни. Для меня таким человеком был Абдулов.

— Вы потом сами как режиссер ставили «Школу» Гайдара...

— И не только «Школу». И «Чука и Гека», и «Голубую чашку», и «Тимура»... У нас на радио целая гайдаровская энциклопедия. Ставил иначе, чем Абдулов. Но всегда старался и стараюсь сохранить абдуловскую атмосферу праздничности. А иначе хотя бы уже потому, что в 1932 году передача шла в эфир живая, то есть не была записана заранее — тогда такой практики просто не было.

— Николай Владимирович! Вы всю жизнь, по-моему, играете Лягушку-путешественницу. Это ваша любимая роль?

— Не умею вот так раскладывать по полочкам: любимая, не любимая. Вот вместе с Зинаидой Бокаревой мы прочли детям Паустовского — какое великое наслаждение! А Кот в сапогах Самойлова? Умный, ироничный, многозначный, чудесный Кот. Он отличается от других котов, которых довелось сыграть.

— А как вы входите в образ вещей, которые играете? Скажем, в образ Почтовой марки?

— Почтовая марка... Я представил, какая она потерянная, старая, много путешествовала. Она особа нервная. Ей уже все надоело...

Николай Владимирович рассказывает, и слышишь в его удивительном, неповторимом голосе интонации этой нервной особы, и ловлю себя на том, что уже не могу не спросить про образ Клея, про Буратино. Литвинов отвечает. Он сидит напротив меня в обычном кресле, он ничего не делает, даже не меняет выражения лица, а передо мной вереница столь всем нам с детства знакомых, столь любимых радиогорова. Воистину волшебство. Волшебство большого, весьма специфического искусства, ведь кроме слова, музыки, некоторого звукового оформления радио не имеет ничего.

— Вы говорите сейчас так, будто жалеете, что я только актер радио. Но ведь у нас столько преимуществ! Во-первых, слово на радио всегда особенно весомо, оно всегда крупным планом. Во-вторых, наши зрители сидят только в первом ряду. За тысячи километров, а все равно

в первом. Радио требует обязательного соучастия. У нас, конечно, трудно. Трудно заставить человека слушать. Вернее, не заставить, а завлечь, привлечь. Радио приходит в дом само, приходит бесплатно. Хочу слушать, не хочу выключаю, и все. И кончилось общение. И никакого соучастия. Так обидно! И мы, актеры, режиссеры, должны добиться, чтобы не выключали, чтобы слушали, сопереживали, плакали, смеялись, учились... Дети не выносят фальши, сюсюканья. Их влекут образы героические, чувства патриотические. После передачи об Александре Матросове мы получили много тысяч писем. Ребятам нужна настоящая, большая литература. С огромной книжной полки надо доставать только самое-самое... Вот в последние годы полюбился ребятам Юрий Коваль. В его «Недопеске» есть песенка Мотоциклетной перчатки, которую я пою.

— А когда вы запели в первый раз?

— Давно, еще в «Робин Гуде». Спел менестреля и понял, что иногда смогу петь. Тем более, что из всех искусств более всего люблю музыку. Сейчас ставлю новую повесть Сергея Михалкова об Андерсене, в передаче будет много музыки, буду петь.

— Наверное, Николай Владимирович, я не исключение, и вам часто приходится слышать подобное, но все же признаюсь: очень люблю детские радиопередачи. И «Пионерскую зорьку», и сказки, и «Радионяню», и «Страну Литературию», люблю, когда просто кто-то читает, люблю, когда это радиоспектакль. И актеры у вас лучшие.

— Нашу редакцию радиовещания для детей иногда называют «комитетом в комитете». И если по большому счету, то мы — детское радиовещание — действительно целый комитет. Такого нет нигде в мире. На детей, для детей работают лучшие режиссеры, актеры, авторы музыки, текстов. За все годы не припомню случая, чтобы кто-либо отказался участвовать в наших передачах. На радио, как и во всей нашей стране: все лучшее — детям.

— Вы главный режиссер Главной редакции радиовещания для детей. Вас называют главным сказочником, главным волшебником. В общем, вся ваша жизнь посвящена детям, служению им. А встречаемся мы в канун Дня защиты детей. Ваше сокровенное желание?

— У меня есть еще два титула: я отец и дед. У меня два внука. Старший недавно получил паспорт, а младшему — Ивану — всего четыре года. И когда я усталый, возвращаюсь с работы и думаю: вот сейчас лягу, прикрою глаза, отдохну, навстречу бежит Ваня и радостно кричит: «Ага, пришел дед! Ты будешь собакой!». И я счастлив. Нет усталости. Мое самое сокровенное желание? Чтобы дети и внуки вот так бежали нам навстречу. Чтобы могли они слушать наши радиопередачи. Чтобы росли здоровыми и мудрыми, добрыми и сильными. Чтобы любили Родину. А для всех нас, взрослых, священный долг — защитить детей, уберечь от ядерной катастрофы, отвести беду. Отстоять на земле мир...

И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ.